

Ученое хмельное буйство

Противостояние с «немецкой партией» академиков началось еще при Михаиле Ломоносове

Андрей Ольховатов

В общественном мнении распространён образ академика как человека солидного, уважаемого, возраста скорее всего не самого молодого, спокойно сидящего на каком-нибудь заседании-совещании или неторопливо вещающего с трибуны. Однако не многие знают, что во второй половине XVIII – начале XIX века академики зачастую вели себя совсем по-другому.

Вот что об этом писал в своих воспоминаниях известный литератор XIX века Николай Иванович Греч, имея в виду российских академиков: «Подле знаменитых иностранцев – Эйлера, Эпинуса, Палласа, Шуберга, Ловица и т.д. – были в ней русские: Румовский, Лепехин, Озерецковский, Севергин, Иноходцев, Захаров, Котельников, Протасов, Зуев, Кононов, Севастьянов. Правда, что не все из этих русских были люди великие и гениальные, многие из них были люди невысокой нравственности, то есть просто пьяницы; но они трудились и действовали для России, и о них можно сказать с Крыловым: «По мне, так лучше пей, да дело разумей».

Первое место в числе их занимал Озерецковский: человек умный, основательно ученый, но вздорный, злоязычный, сквернослов и горький пьяница».

Да-да, Греч пишет именно о Николае Яковлевиче Озерецковском – первооткрывателе истоков реки Волги, исследователе озер Центральной России, опубликовавшем около сотни научных трудов по разным дисциплинам. Трудно сказать, насколько справедлива такая его оценка, но, если судить по приведенным Гречем ходившим рассказам, академик и

– это был сам хозяин Ваксель; он улегся с своими друзьями.

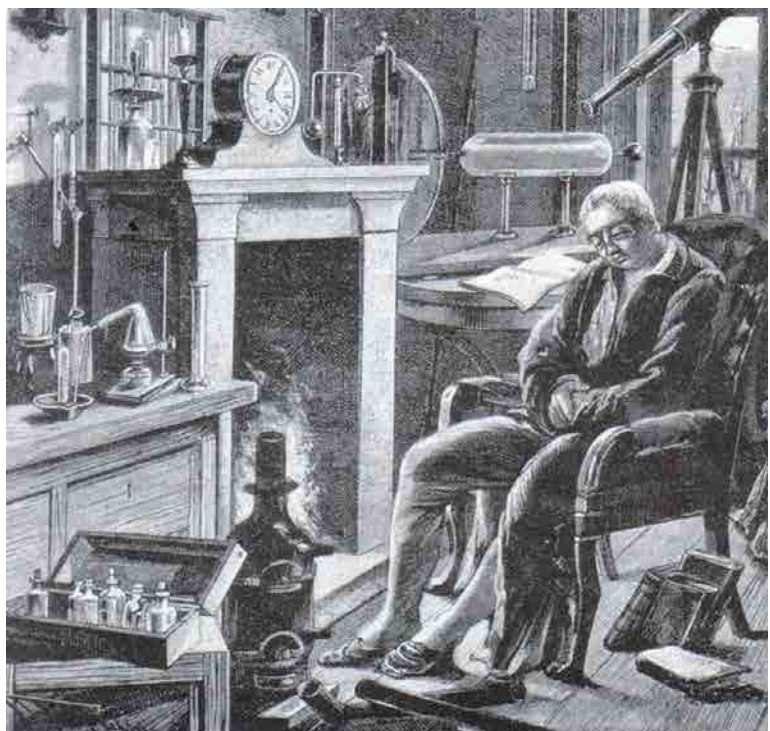
– Ну этого знаю, куда везти, – заметил кучер и поплелся домой».

Возможно, что за давностью лет Греч перепутал отчество и речь идет о Льве Савельевиче Вакселе – естествоиспытателе и члене-корреспонденте Петербургской академии наук.

Сейчас трудно однозначно установить, откуда у ученых-академиков того времени появилось такое поведение. Возможно, что по причине некоторого противостояния с «немецкой партией» академиков, то есть академиков-иностранцев, которое началось еще при Михаиле Васильевиче Ломоносове. Таким поведением они как бы противопоставляли себя «чопорным, бездушным немцам».

Представляет интерес, когда такие эскапады сошли на нет. К сожалению, автор не может дать определенного ответа на этот вопрос. Тем не менее по крайней мере один интересный эпизод зафиксирован в истории в середине XIX века.

Так, в опубликованной записной книжке Петра Андреевича Вяземского можно прочесть: «На обеде, данном в честь Тотлебена в клубе шахматных игроков, нашего академика Якоби поколотили. Веневитинов говорит, что он слышал, что на этом обеде якобы били». О том, что речь идет именно о Борисе Семеновиче Якоби – физике и изобретателе, можно понять из письма Ивана Сергеевича Тургенева Михаилу Николаевичу Толстому: «Жаль только, что под конец вышел маленький скандал: ученого Якоби (изобретателя гальванопластики) – за его нетрезвые и дерзкие речи – поколотили немощно, в чем он потом извинился».



М.В. Ломоносов в домашней обстановке. 1764 год.

Иллюстрация из журнала «Природа и люди», № 1, 1912

впрямь отличался незаурядным поведением.

«Один из членов Академии, Лев Васильевич Ваксель, воротившись из Англии, задал попойку товарищам, – пишет Греч. – Это было в глубокой осени, когда уже выпал снег. Жил он где-то за Владимирской. Часу в третьем ночи гости его, собиравшиеся домой, потребовали, чтоб он достал им извозчиков. Послали искать их; не нашли ни одного.

– Ну, вези как хочешь, собака немец! – сказал Озерецковский.

– Да у меня, Николай Яковлевич, одна лошадь да обшвыни.

– Уместится как-нибудь; вели закладывать, а мы выпьем еще по маленькой, на подковы лошадей!

– И то дело, – сказал хозяин и велел подать свежую миску пуншу.

Гости посоловели; пошли сначала упреки и понасердки, потом примирения, лобзания и слезы. Миска осушена. Докладывают, что экипаж готов. Гостей снесли одного за другим, уложили в обшвыни и наказали кучеру свезти господ легонько на Васильевский остров, в дом Академии, постучаться у дверей каждого и вызвать человека с фонарем, чтобы он отыскал своего барина и снес в постель. Приказание было исполнено в точности. Семерых кучер сдал в академическом доме, а восьмого свез в его собственный дом в 3-й линии, и когда человек вынул его превосходительство, кучер сказал:

– Ну, слава богу, всех сдал счетом.

– Как всех? – спросил вернувшийся слуга. – Да там, никак, еще один.

– Что ты! – сказал кучер, – я принял счетом восемь человек.

– Нет, ей-ей, там есть еще один.

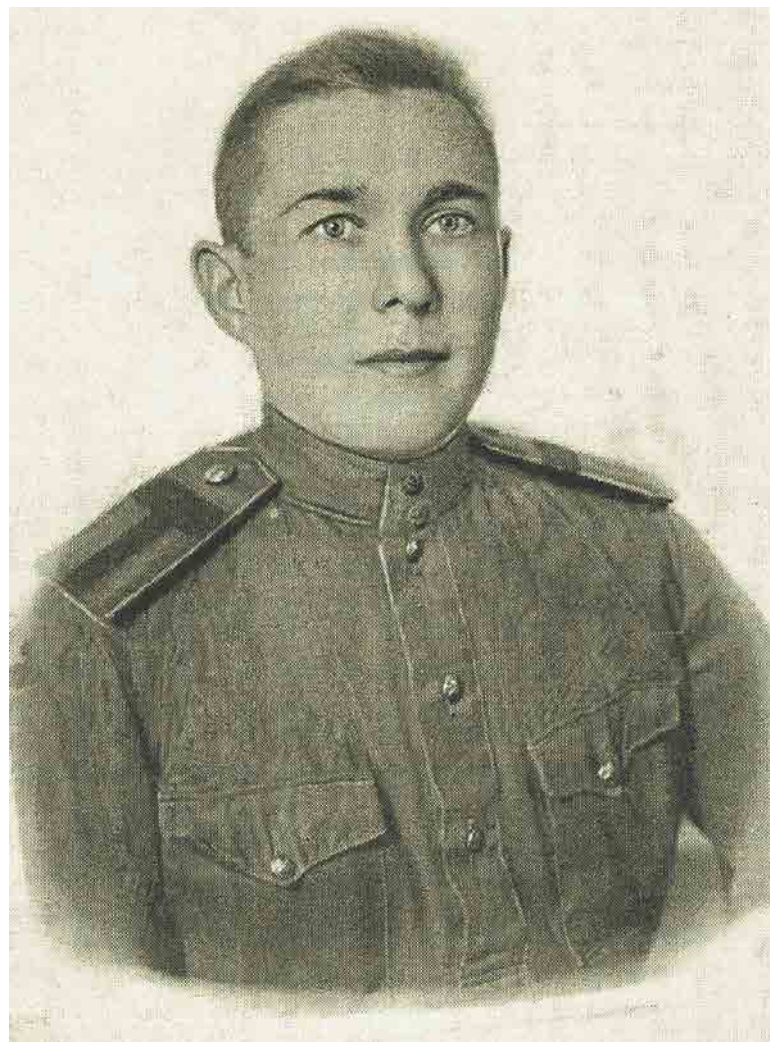
– Одолжи, брат, фонарика; посмотрим, так ли.

Слуга поднес фонарь, и кучер увидел на дне обшвыни девятого

Андрей Юрьевич Ольховатов – кандидат физико-математических наук.

«Вот как называется теперь это чудо – реаниматология...»

Обстоятельства первого в истории медицины случая восстановления жизненных функций организма после клинической смерти



Валентин Черепанов, март 1944 года.

Наталья Ёхина

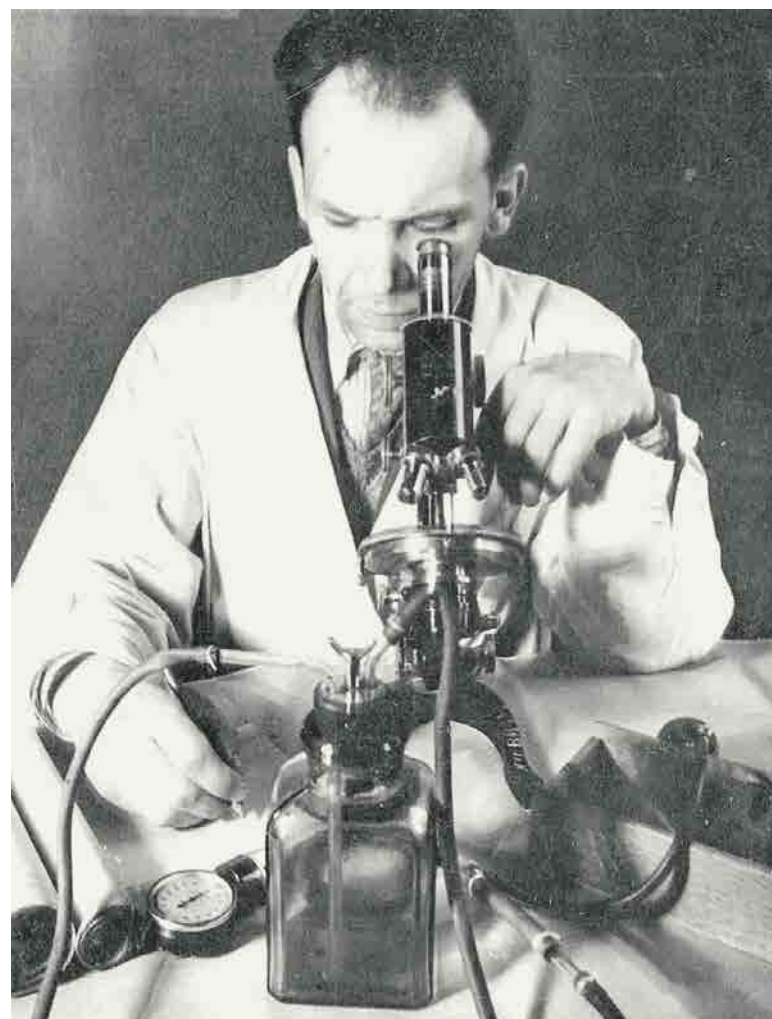
Владимиру Борисовичу Добрину (1906–1960), во время Великой Отечественной войны майору медицинской службы, ведущему хирургу медсанбата, в последующем профессору хирургии, принадлежат такие строки: «Говорят, на войне свыкаются со смертью... К врачам это не относится. А если врач свыкся – пусть он меняет профессию, ибо он перестает быть врачом». Они как нельзя лучше относятся к выдающемуся патофизиологу, основоположнику реаниматологии, академику Российской академии медицинских наук, создателю первого в мире Научно-исследовательского института общей реаниматологии Владимиру Александровичу Неговскому (1909–2003) – человеку, жизненный путь которого – путь великого, непрерывного противостояния врача и ученого смерти.

В рамках своего диссертационного исследования «Внутриартериальное переливание крови» (защита кандидатской состоялась во время войны), анализируя случаи практического применения нового метода переливания крови, В.Б. Добрин описал историю возвращения к жизни тяжело раненных солдат, обреченных на смерть. Главная из них – спасение гвардии рядового В.Д. Черепанова. Переливание крови осуществлено 3 марта 1944 года научной бригадой, возглавляемой заведующим лабораторией экспериментальной физиологии Весоозонного института экспериментальной медицины им. А.М. Горького (ВИЭМ), доктором медицинских наук В.А. Неговским. В состав созданной Главным военно-санитарным управлением Красной армии и Наркомздравом СССР бригады входили научный сотрудник лаборатории Е.М. Смирнская, старший лейтенант медицинской службы Ю.П. Литвинова и гвардии старший лейтенант медицинской службы П.В. Козлов.

Это был первый в истории медицины случай восстановления жизненных функций организма после клинической смерти. С фотографии на нас смотрит 20-летний солдат – улыбающееся открытое лицо лучится добротой и выражает уверенность, что впереди еще долгий жизненный путь... Но война с первых дней собирала свою кровавую жатву, унося миллионы жизней, – жизнь радиста отдельного батальона связи 5-го гвардейского стрелкового корпуса Валентина Черепанова оборвалась

3 марта 1944 года.

В этот день, через два часа после полученного в бою у населенного пункта Скуловичи (Витебский район) слепого осколочного ранения бедра, Черепанов в тяжелом состоянии был доставлен в госпиталь. Хирург незамедлительно приступил к операции, но все усилия были тщетны. Заключение гласило: «Смерть последовала от шока и острой кровопотери 3 марта 1944 года в 19 часов 41 минут».



В.А. Неговский, сентябрь 1944 года.

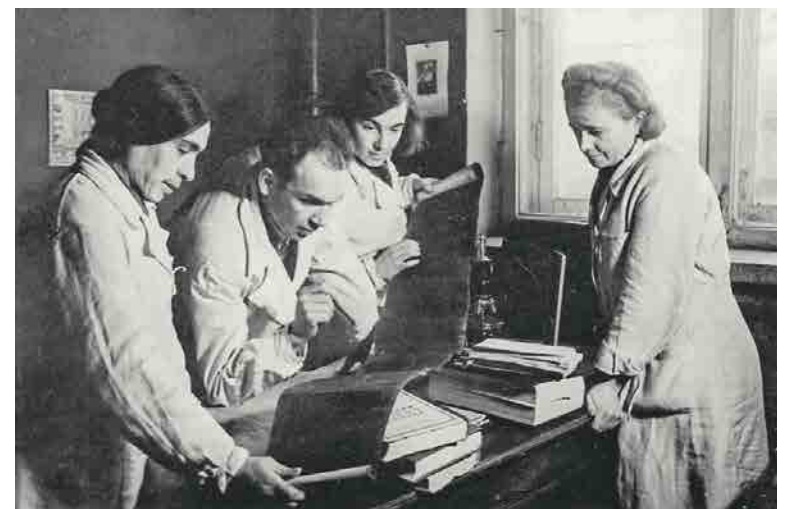
Спустя 3 минуты 30 секунд с момента констатации смерти бригада В.А. Неговского приступила к оживлению Черепанова: искусственное дыхание с применением специальных дыхательных мехов, позволявших вводить воздух непосредственно в легкие, и артериовенозное нагнетание крови. Через минуту была восстановлена работа сердца, а через три минуты появилось дыхание. По истечении часа у Валентина Черепанова появились первые признаки сознания, через сутки восстановилось зрение, и раненый мог читать.

Курс полного восстановления В.Д. Черепанов проходил уже в Москве, в клинике ВИЭМ. Однако последний осколок «покинул» его тело только через 21 год. И, как ни парадоксально, именно через столько лет послужил причиной встречи Черепанова с выдающимся ученым, подарившим ему вторую жизнь, – Владимиром Александровичем Неговским.

В 1964 году инженер технаба, отец двух прекрасных близнецов Миши и Люси, В.Д. Черепанов в очередной раз по делам приехал в г. Горький (Нижний Новгород). Он медленно, прихрамывая, шел по улице – осколок постоянно напоминал о себе, – и его взгляд невольно упал на афишу. Увиденное заставило остановиться: «Вот как называется теперь это чудо – реаниматология», – воскликнул про себя Валентин Дмитриевич, прочитав объявление о лекции «профессора из Москвы В.А. Неговского об оживлении организма». Приехав в Медицинский институт, Черепанов, скрывая охватившее его волнение, пе-



Черепанов за чтением книги после реанимации.



В.А. Неговский в окружении коллег, сентябрь 1944 года.

мать. Эта долгожданная встреча состоялась в тот же день...

За четыре месяца работы в полевых госпиталях и медсанбатах, часто под артиллерийским обстрелом, научные сотрудники группы Неговского 51 раз применяли свой метод восстановления жизненных функций организма после клинической смерти, спасая бойцов и офицеров, получивших тяжелые ранения в область грудной клетки, брюшную полость или конечности. В 12 случаях раненых удалось вернуть к жизни. Важнейшим итогом этой работы стало приобретение бесценного опыта. Как подчеркивал сам Владимир Александрович, разработанный метод был прост, вполне доступен любому врачу и мог применяться в каждом госпитале и медсанбате. Аппаратура портативна и несложна в использовании. Научными сотрудниками группы были выработаны основные показания для применения означенного метода.

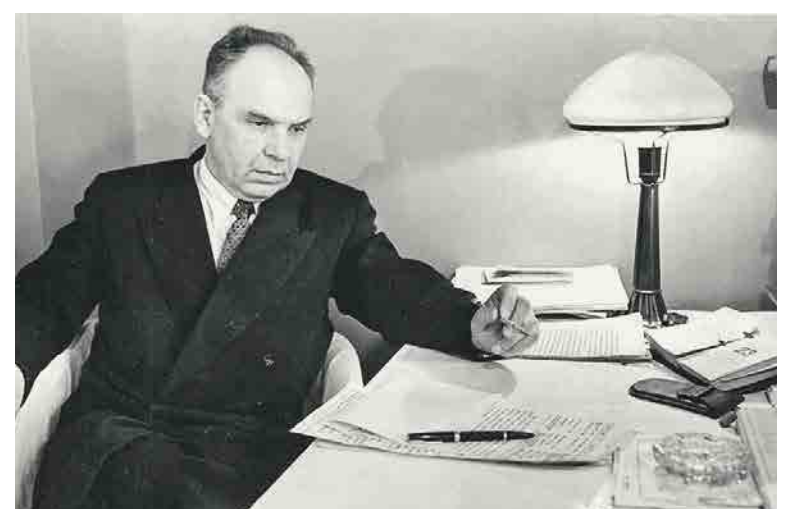
В том же 1943 году вышла книга В.А. Неговского «Восстановление жизненных функций организма, находящегося в состоянии агонии или в периоде клинической смерти» – ее полный перевод был представлен в восьми выпусках журнала *American Review of Soviet Medicine* (1945–1946). В 1945-м увидела свет вторая монография Неговского (создана на базе защищенной в 1943 году докторской диссертации) – «Опыт терапии состояний агонии и клинической смерти в войсковом районе».

В 1945 году указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение задания правительства по лечению больных бойцов и командиров Владимир Александрович Неговский был награжден орденом Красной Звезды.

В 1945 году указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение задания правительства по лечению больных бойцов и командиров Владимир Александрович Неговский был награжден орденом Красной Звезды.

Ёхина Наталья Александровна – кандидат исторических наук, заместитель руководителя по культурно-просветительской работе санатория «Узкое» Федерального научно-клинического центра реаниматологии и реабилитологии.

Очерк подготовлен на основе материалов и фотографий из архива В.А. Неговского, хранящегося в Научно-исследовательском институте общей реаниматологии им. В.А. Неговского НИИОР ФНЦК РР.



В.А. Неговский в рабочем кабинете, 1958.